

Васильева Инга Борисовна

ГЕНДЕРНЫЕ СХОДСТВА В ЯЗЫКЕ: НОВЫЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье представлены результаты некоторых работ, выполненных на основании количественных методов анализа языковых данных, которые расходились с ранее полученными результатами исследований гендера и языка. Рассмотрение данных работ в свете современной гендерной теории позволило выявить в них аспекты теоретического и методологического характера, требующие дальнейшей проработки. Подчеркнута особая ценность работ по гендерному сходству для дальнейшего развития теории динамики гендера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 43-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8:81-119

Филологические науки

В статье представлены результаты некоторых работ, выполненных на основании количественных методов анализа языковых данных, которые расходились с ранее полученными результатами исследований гендера и языка. Рассмотрение данных работ в свете современной гендерной теории позволило выявить в них аспекты теоретического и методологического характера, требующие дальнейшей проработки. Подчеркнута особая ценность работ по гендерному сходству для дальнейшего развития теории динамики гендера.

Ключевые слова и фразы: язык; гендер; гендерная теория; гендерные сходства; гендерные различия; корпусное исследование; метаанализ.

Васильева Инга Борисовна, к. филол. н.

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
inga_vassilieva@hotmail.com

ГЕНДЕРНЫЕ СХОДСТВА В ЯЗЫКЕ: НОВЫЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ[©]

Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 13-04-00032 «—Мужское” и —женское” в текстах культуры: русская и английская лингвокультурные традиции в сопоставительном аспекте».

С последней трети XX века и вплоть до настоящего времени ведется активное изучение гендерно-ориентированной проблематики во многих академических дисциплинах (психологии, социологии, философии, литературе и других), включая и языкознание. Тем не менее, несмотря на богатый материал, собранный на основании множества языков и культур, а также использование данных других наук в исследовании языка, работа по формулированию целостной междисциплинарной теории гендера все еще далека от завершения. В данной статье рассмотрена проблема выявления сходства в речи мужчин и женщин и затрагивается вопрос о том, какое значение это может иметь для выбора методики исследования вопросов гендера и языка, а также для дальнейшего развития общей теории гендера.

Внушительный объем гендерных исследований, выполненных в рамках междисциплинарной парадигмы, обращается к вопросам манифестации гендера в языке, функционирования коммуникативных стилей и стратегий, и к вопросам отражения гендерной идентичности в речевом поведении мужчин и женщин. Иными словами, не составит труда найти массу исследований, посвященных выявлению различий в речи мужчин и женщин, при этом довольно сложно обнаружить работы, выявляющие сходство в их вербальном поведении. Последние крайне немногочисленны, а вследствие этого, не столь влиятельны или цитируемы в академической литературе. Более того, гендерному сходству не уделяется достаточно внимания в рамках основных гендерных теорий *дефицитности*, *доминирования* и *различия*, которые, в сущности, основываются на положении о фундаментальном различии между мужчинами и женщинами в биологической, социальной, психологической и других сферах, включая и область коммуникации [4]. Данные теории мало поясняют отсутствие различий, а между тем этот факт требует объяснения.

Недостаточное количество работ по выявлению сходных гендерных характеристик в языке можно объяснить тремя причинами. Первая из них связана с неадекватностью избранной методики исследования или некоторой некорректностью обработки данных, что ведет к искажению полученных результатов. Вторая причина связана с первой и обусловлена неадекватностью гендерной теории, на положениях которой основывался аналитик, выстраивая свое исследование. Третья причина заключается в том, что на ход исследования могут повлиять так называемые когнитивные искажения, когда автор исследования стремится «подогнать» его результаты под свою интуицию или результаты уже проведенных более влиятельных исследований и предпочитает сосредоточиться на различиях, а не на фактах сходства, которые сложнее объяснить.

Итак, рассмотрим далее ряд работ, авторами которых не было выявлено гендерных различий между мужчинами и женщинами или же различия расценивались как весьма незначительные со статистической точки зрения. Цель этого рассмотрения – сопоставить результаты этих работ с результатами предшествующих исследований, а также дать оценку методологии этих работ с точки зрения гендерной теории с тем, чтобы разобраться в причинах получения противоречивых данных.

Прежде всего, обратимся к данным о сходстве мужчин и женщин, представленным в психологическом исследовании Дж. Хайд [9]. Полученные ею результаты были совершенно определенно выражены в заглавии статьи *“Gender Similarities Hypothesis”* («Гипотеза гендерного сходства»). Исследование, целью которого было сопоставление психологических характеристик мужчин и женщин, проведено с использованием метаанализа – статистического метода, позволяющего агрегировать результаты множества научных работ в конкретной области исследования [Ibidem, p. 582]. Сопоставление результатов проводилось по шести областям, а результат сопоставления выражался в величине эффекта (*effect size*), которым, собственно, и определялась значимость различий между мужчинами и женщинами. Области сопоставления, по которым проводилась оценка данных, включали когнитивные переменные, коммуникацию, переменные социальных качеств и личности, психологическое состояние, особенности моторного поведения, а также небольшую остаточную

категорию исследований различного плана. Величина эффекта оценивалась по шкале градаций от близкой к нулю, малой и умеренной до большой и очень большой. Представленные в сопоставительной таблице результаты метаанализа показали, что в подавляющем большинстве психологические различия между мужчинами и женщинами близки к нулю или малы. Примечательно, что в сфере коммуникации величина эффекта отражала преобладание женщин над мужчинами практически по всем параметрам, однако лишь в малой степени [Ibidem, p. 583-584]. Незначительное превосходство мужчин над женщинами зафиксировано лишь по параметрам перебивания собеседника в разговоре и использования решительной манеры речи.

На основании метаанализа Хайд пришла к выводу о том, что наиболее существенными являются различия между мужчинами и женщинами в моторном поведении (дальность броска) и некоторых аспектах сексуальности, а что касается агрессивности, то различие степени ее проявления между мужчинами и женщинами достигло лишь умеренных значений. Итак, полученные величины эффекта, по мнению исследователя, дают основание поддержать теорию гендерного сходства, а не различия [Ibidem, p. 590].

Можно было бы надеяться, что применение такой триангуляции методов исследования позволит подтвердить результаты, полученные ранее методами, применяемыми в лингвистике. Однако этого не произошло. Почему же возникли противоречия между новыми и предшествующими данными, которые, казалось бы, должны были стать комплементарными, а не противоречащими друг другу? Это поднимает серьезные вопросы, затрагивающие обоснованность результатов в области исследования гендера и языка, полученных ранее лингвистическими методами, или же указывает на некоторые проблемы применения метаанализа.

Чтобы получить более полную картину и ответить на возникшие вопросы, рассмотрим два лингвистических исследования, которые перекликаются с исследованием Хайд в том, что они выполнены с преобладанием количественных методов и по их результатам также не было выявлено статистически значимой гендерной вариативности в языковом материале.

Первое исследование социолингвистического характера было направлено на изучение особенностей функционирования амплификаторов, усиливающих наречий степени, в английском языке [16]. Отметив, что недостатком предшествующих работ являлось либо ограниченное количество изученных усиливающих наречий, либо незначительные по современным стандартам корпусные выборки данных, авторы выполнили широкомасштабное корпусное исследование, осуществленное на материале Британского национального корпуса (BNC), включающего 100 миллионов слов. В корпусе было детально изучено функционирование 33 распространенных амплификаторов английского языка относительно ряда экстралингвистических параметров, таких как регистр и жанр употребления (устный/письменный), возраст, социальный класс и уровень образования говорящего и других, включая и гендер [Ibidem, p. 244]. В целом, результаты исследования показали, что функционирование амплификаторов представляет собой довольно сложную картину, которая не поддается однозначным обобщениям. Что касается гендерного параметра, то внимания заслуживают два аспекта. Во-первых, выявлено, что в устной речи различие в использовании амплификаторов между мужчинами и женщинами не имеет статистической значимости (иначе говоря, отсутствует), в то время как в письменной речи женщины использовали больше амплификаторов, чем мужчины, на что указывали статистически значимые показатели. Во-вторых, авторами было установлено, что отдельные амплификаторы продемонстрировали гендерно-специфическое распределение, то есть их использование предпочитались либо женщинами, либо мужчинами [Ibidem, p. 249]. Однако полученные данные не были прокомментированы с точки зрения гендерной теории.

При этом авторами были отмечены ограничения примененного ими метода корпусного анализа. С одной стороны, использование большого языкового корпуса, аннотированного по многочисленным социолингвистическим переменным, представляет собой особую ценность для получения новых данных по количественному распределению единиц языка и выявлению в языке тех тенденций и взаимосвязей, которые являются статистически существенными, но, с другой стороны, эти данные не предоставляют готового объяснения выявленным тенденциям [Ibidem, p. 268].

Второе исследование посвящено изучению языковых элементов, манифестирующих позицию собеседников (*stance*) – мужчин и женщин – в неформальном общении на материале американского варианта английского языка [13]. Для исследования был использован соответствующий подраздел корпуса *Longman Corpus of Spoken and Written English*, содержащий репрезентативную выборку текстов устной неформальной коммуникации объемом около 900 000 слов. Были изучены три группы языковых элементов, в которых проявляется позиция говорящего: выражение аффекта, эвиденциальности и квантификации. С использованием количественных методов анализа было изучено распределение в общей сложности 180 слов и выражений, которые сигнализируют о проявлении в разговоре коммуникативных установок и позиций собеседников (мужчин и женщин). Подводя итог, автор указывает, что лишь 35 из 180 исследованных единиц обнаружили статистически значимую гендерную вариативность в неформальной коммуникации, а это, в свою очередь, свидетельствует скорее о гендерных сходствах, а не различиях и, по мнению исследователя, «может привести в новому повороту в исследовании языка, пола и гендера» [Ibidem, p. 102].

Итак, результаты рассмотренных работ указывают на то, что сложилась довольно неожиданная и даже парадоксальная ситуация. На уровне языка, охватывающем функционирование языковых элементов с точки зрения их семантики и прагматики, ранее были выявлены данные, бесспорно иллюстрирующие гендерную вариативность в языке и коммуникации и получившие логичную и непротиворечивую интерпретацию с лингвистической точки зрения (см., например: [6; 7]). Однако при изучении гендерной вариативности в языке с помощью количественных методов, значимость гендерного параметра для языкового материала снизилась или же совсем исчезла.

Почему же работы, основанные на количественных методах, подвергают сомнению или даже противоречат полученным ранее результатам в области гендера и языка? Ответ на этот вопрос лежит в прагматической

плоскости: исследования, основанные на чисто статистических методах, игнорируют параметры *контекста* употребления и *функцию* исследуемой языковой единицы. А между тем Камерон подчеркивает, что «языковое поведение имеет смысл *только в контексте*» [5, р. 45] (*курсив автора – И. В.*). Неотъемлемым свойством языка является *полисемантичность* и *многофункциональность* его единиц, а реализация этого свойства происходит только в условиях конкретного контекста, одним из релевантных параметров которого может стать гендер, наряду с другими параметрами, такими как способ выражения (устный/письменный), жанр/регистр текста, тип дискурса и социальные характеристики говорящего (возраст, пол, социальный статус, образование, расовая, этническая принадлежность и т.д.).

В этом и состоит некоторая недостаточность количественных исследований гендера и языка. Например, согласно метаанализу, различие между мужчинами и женщинами по параметру перебивания своего собеседника в разговоре оценивается как статистически малое [9, р. 583]. Тем не менее, ранее лингвисты пришли к иному выводу. В частности, было изучено распределение молчания и случаев перебивания высказываний собеседника в группах представителей одного пола и разных полов [17]. Исследователи различали два случая, в которых собеседник утрачивает право завершить свою очередь в разговоре: случаи одновременного разговора и случаи перебивания собеседника, причем именно последний рассматривался как нарушение очередности разговора и соответственно нарушение права говорящего завершить свое высказывание. В смешанных диадах собеседников анализ транскриптов разговоров выявил крайне асимметричное распределение случаев перебивания собеседника со значительным превосходством мужчин над женщинами в соотношении $M : F = 96 : 4\%$ [Ibidem, p. 116].

В этой связи заслуживает интереса еще одно исследование психологов, получившее более достоверные и менее противоречивые результаты на материале значительного корпуса устных и письменных текстов, созданных мужчинами и женщинами [11]. В своей работе ученые реализовали более гибкий подход к анализу языка как явления глубоко социального по своей природе. Они особо подчеркнули, что в интерпретации языковых данных ключевая роль принадлежит контексту, в котором порождается речь, а, следовательно, игнорирование контекстуальных параметров приводит к тому, что количественные исследования сводятся лишь к подсчету случаев употребления изучаемых единиц, что может привести к противоречивым результатам. Поэтому классический метод метаанализа был дополнен аспектами контекстуального анализа, чтобы выявить гендерную вариативность в речи. Психологи обнаружили гендерные особенности использования языка, причем их результаты в значительной мере совпали с результатами предыдущих исследований [Ibidem, p. 231].

В исследовании по функционированию амплификаторов также не было уделено соответствующего внимания контексту их употребления [16]. Сами аналитики отмечали, что при обработке корпуса они получали количественные данные только по частотности употребления и распределению амплификаторов относительно заданных параметров, но не могли получить данные по контексту употребления и коллокациям, образуемым наречиями, так как этого не позволил сделать интерфейс работы с корпусом. Тем не менее, в случае амплификаторов эти данные могут играть ключевую роль, так как зачастую усиливающие наречия степени многофункциональны. Например, наречие *really* в зависимости от контекста употребления может функционировать как наречие реальности, как эмфатическое наречие или как амплификатор [1; 12]. Амплификатор *quite*, помимо усиления семантики, может выполнять противоположную функцию – смягчения семантики [14].

Пояснения требуют расхождения результатов этого исследования с результатами сходного исследования по гендерно-специфическому функционированию амплификаторов (или интенсификаторов) [3], в котором параметры контекста контролировались более строго [1; 15]. В то время как одно исследование показало, что в письменных текстах женщины использовали больше амплификаторов, чем мужчины [16, р. 249], в другом исследовании мужчины лидировали в их использовании в обучающих компьютерных текстах [15]. В частности, в первом исследовании амплификатор *really* чаще встречался в текстах женщин, а во втором исследовании – в текстах мужчин. Исследователи Шао и Тао, комментируя противоположность результатов, полученных ими, и в процитированном исследовании, выразили мнение, что это может объясняться тем, что данные цитируемой работы были получены на материале корпуса специализированных текстов относительно ограниченного объема [16, р. 251]. Однако ранее полученные данные были подтверждены впоследствии на материале расширенного корпуса [15]. Кроме того, в исследовании корпуса специальных текстов, в отличие от чисто статистического анализа Шао и Тао, количественный анализ сочетался с качественным (семантическим, прагматическим), при этом особое внимание было уделено уравновешиванию параметров контекста функционирования интенсификаторов, а не только объему корпуса.

Также необходимо отметить, что некоторые аспекты работы Шао и Тао, касающиеся гендерной проблематики, требуют более тщательного теоретического обоснования. Так, функционирование амплификаторов в корпусе BNC связывалось ими с проявлением отношений власти, хотя это довольно странная ассоциация, которая, как правило, не имеет особого значения и поэтому данный аспект амплификаторов не вызывает особых обсуждений в научной литературе. Гораздо более значимыми для амплификаторов представляются их стилистическая, эмотивная и прагматическая функции [10; 15]. Именно благодаря этим функциональным возможностям наречия-амплификаторы считаются лингвистами наиболее яркими и экспрессивными элементами, позволяющими изучать социальные аспекты языка, включая гендерные [1; 15].

В исследовании по изучению выражения позиции собеседников в неформальной коммуникации [13] довольно эклектично была составлена выборка, включающая 180 языковых единиц: в нее вошли элементы различных уровней языка от слова и словосочетания до высказывания и дискурсивной частицы [Ibidem, p. 92]. Однако отбор единиц для исследования должен подчиняться ясно сформулированному критерию. Желательно также определить уровень языковой системы, в рамках которого выполняется анализ. Это помогает сделать изучаемый материал более однородным, четко ограничить область исследования и, таким образом,

повысить обоснованность результатов. Упомянутая эклектичность отбора исследованных единиц тоже могла привести к тому, что автором не было выявлено значительных различий, хотя лингвистами они признаются несомненными (см., например: [6; 7]).

В проанализированных исследованиях просматривается повышенная увлеченность количественными методами в ущерб качественным: обрабатывается большое количество исследуемых переменных и параметров их употребления и поэтому результаты иногда сложно поддаются интерпретации и обобщению. Напротив, более четкое определение границ объекта исследования (по семантике, функции, контексту) позволяет получить более сопоставимые и поддающиеся обобщению результаты. Причина расхождения результатов лингвистического анализа, с одной стороны, и метаанализа и корпусного анализа, с другой стороны, состоит в том, что последние использовали большие объемы деконтекстуализированных данных. Проблематичность методологии этих работ заключается в том, что она, по образному выражению Деборы Камерон, использует «телескоп там, где надо было использовать микроскоп» [5, p. 55].

Хотя достоинства исследований, в которых предпринимаются попытки свести воедино большое количество языковых данных, не подлежат сомнению, изучение таких данных требует более тонкого и гибкого подхода. Необходимость статистических работ бесспорна, при этом важно делать работы такого плана более контекстуально-зависимыми, что, в сущности, признавалось или оговаривалось всеми авторами рассмотренных исследований.

Работа Байбера и Бургес может служить примером корпусного исследования, которое предоставило сбалансированные результаты, благодаря четкому определению условий контекста и компактному выбору параметров их исследования [2]. Цель работы состояла в изучении вербального поведения женщин и мужчин в диахроническом аспекте с тем, чтобы верифицировать и дополнить соответствующие результаты, полученные на материале данных синхронного изучения языковых данных. Исследуемыми параметрами были количество высказываний и особенности коммуникативного стиля мужчин и женщин, оцененные по параметру личностный/информационный. Материалом послужил подкорпус текстов драматических произведений из корпуса *ARCHER* (A Representative Corpus of Historical English Registers), включающий тексты за период с 1650 по 1990 год. Надо отметить, что выборка текстов авторов-мужчин в корпусе оказалась более репрезентативной (189 текстов), чем выборка авторов-женщин (38 текстов). Однако этот дисбаланс был преодолен с помощью использования метода многофункционального многофакторного анализа (MF/MD analysis – multifunctional/multidimensional analysis), разработанного одним из авторов работы [Ibidem, p. 23].

Важно отметить, что в данном случае параметры контекста были четко очерчены. Учитывая, что изучаемая речь мужчин и женщин порождена не в естественных условиях, а отражает представление автора о речи того или иного персонажа произведения, исследованные тексты, прежде всего, были аннотированы в зависимости от автора – мужчины или женщины. Далее в текстах были выделены и изучены все возможные варианты условий коммуникации: мужчина говорит с женщиной (M → F), женщина говорит с мужчиной (F → M), мужчина говорит с мужчиной (M → M) и женщина говорит с женщиной (F → F). Тексты также были разбиты на четыре хронологических периода: XVII, XVIII, XIX и XX век.

Исследование показало, что гендерный параметр создает неоднозначную и довольно сложную картину. Ученым удалось выявить, что авторы предоставляли большее число высказываний персонажам своей, а не противоположной гендерной группы. Это может служить свидетельством того, что положение о доминировании мужчин в разговоре не вполне обосновано, но решающим фактором в данном случае была гендерная идентичность автора текста, а не самого персонажа. При этом ни у авторов-мужчин, ни у авторов-женщин не выявлено, что мужчины говорят больше в смешанных диалогах (M → F, F → M). Было обнаружено, что авторы-женщины представляли своих персонажей более эмоциональными и чуткими, чем авторы-мужчины. В диахроническом плане была установлена тенденция, выраженная в постепенно возрастающем предпочтении авторов к созданию диалога между представителями той же гендерной группы, что и автор (M → M, F → F). Кроме того, отмечалось повышение степени эмоциональности высказываний персонажей к XX веку, в особенности, в текстах авторов-женщин. Наконец, были выявлены характерные черты речи персонажей в зависимости от гендерной идентичности собеседника. Итак, более тщательная проработка параметров контекста позволила исследователям выявить не только гендерно-специфические характеристики речи персонажей текстов драмы, но и проследить в них диахронические изменения. Таким образом, вопрос состоит не в том, что гендерные различия ничтожно малы или отсутствуют, а в том, где их искать.

До настоящего момента были выявлены некоторые спорные аспекты, затрагивающие методологические обоснования исследований, в которых акцентировалось сходство в речи мужчин и женщин. Однако помимо методологических, в этих исследованиях требуют уточнения и важные теоретические положения. А именно, это касается проблемы теоретического обоснования гендера и его взаимосвязи с языком.

В рассмотренных работах о гендерном сходстве не пояснялось, что понимается авторами под термином *гендер*. Следуя логике этих исследований, гендер представлялся как упрощенная дихотомия *мужской/женский* и принимался как внутренне предопределенное и неизменно присущее качество мужчин и женщин, отождествляемое с биологическим полом, которое в конечном итоге и определяет особенности мужской и женской речи. Отсюда следует, что различия между мужчинами и женщинами в различных сферах, в том числе и в коммуникации, должны присутствовать, причем должны присутствовать повсеместно и постоянно, так как коммуниканты в любых условиях продолжают оставаться мужчинами и женщинами. Поэтому случаи, когда различия между ними не обнаруживались, объяснялись недостаточностью гендерной теории и необходимостью «нового поворота» в гендерных исследованиях.

Подобное представление гендера как поляризованной дихотомии отражает трактовку гендера с позиций *биологического эссенциализма*. Такой подход к пониманию гендера уже пересмотрен. С 90-х годов XX века более актуальным и продуктивным в гендерных исследованиях признано понимание гендера с позиций *социального конструкционизма*. В этом понимании гендер представляется не как врожденное качество человека, а как *социальный конструкт*, воспроизводимый в социальных отношениях различного порядка и поддерживаемый социальными структурами общества. Такая динамическая (перформативная) модель гендерных отношений предполагает, что, хотя гендер и остается неотъемлемой частью идентичности говорящего, его необходимо воссоздавать путем постоянного участия человека в социальных и дискурсивных практиках. Таким образом, использование языка мужчинами и женщинами является для них одним из способов *быть* мужчинами/женщинами и *восприниматься* окружающими как носители соответствующих характеристик. В свою очередь, это предполагает, что мужчины и женщины могут сигнализировать о своей гендерной идентичности в различной степени в различных контекстах [4, p. 17].

У такого понимания гендера есть один важный аспект. Если мужчины и женщины прилагают постоянные усилия, направленные на воссоздание своих гендерных характеристик посредством участия в различного рода социальных и коммуникативных практиках, это означает, что гендерная идентичность отражена в языковом поведении не *прямо*, а *опосредованно*, через конкретную деятельность или практику [5, p. 50]. Именно последние формируют контекстуальные условия использования языка гендерными группами мужчин и женщин: «хотя мы остаемся мужчинами и женщинами в каждом контексте, наши роли *как* мужчин и женщин меняются от одной ситуации к другой, а наше языковое поведение отражает эту вариацию» [Ibidem, p. 51]. Такое понимание взаимосвязи гендера и языка делает наиболее актуальным не изучение упрощенной дихотомии, которая либо проявляется, либо нет, а изучение коммуникативного контекста, в котором влияние гендера либо усиливается, либо подавляется.

Например, был проведен эксперимент, тщательно контролируемый в лабораторных условиях, в результате которого не было выявлено принципиальных различий в речи мужчин и женщин по исследованным параметрам [8]. Целью эксперимента было изучение функционирования двух языковых элементов, обычно ассоциирующихся с женским языком: прагматической частицы *you know* и вопросов в разговорах диад друзей – мужчин и женщин. Эксперимент был разработан так, что в его процессе диадам участников приходилось поочередно менять три «типа коммуникации» (*types of talk*): спонтанную (знакомство с исследователями и целью эксперимента); тематическую (разговор участников на тему мужской/женской дружбы); сотрудничающую (беседа участников, спонтанно возникающая во время совместного заполнения ими анкеты). Главный вывод, по мнению исследователя, заключается в следующем: вместо того, чтобы говорить о мужском/женском языке, правильнее было бы говорить о том, что тип коммуникации несет гендерные коннотации. Сами стили формируются как *мужские* и *женские* именно благодаря участию представителей соответствующих гендерных групп в характерной для них коммуникативной и социальной деятельности, в выполнении свойственных им социальных и коммуникативных ролей. Это смещает фокус анализа с качеств, будто бы внутренне и неизменно присущих мужчинам и женщинам (гендер), на условия языкового контекста и типа деятельности, в которой участвуют коммуниканты [Ibidem, p. 66].

Все это позволяет заключить, что в рассмотренных работах, не выявивших значимых гендерных различий на основании исследования языкового материала, имелись, с одной стороны, проблемы *методологического* (недооценка роли контекста), а с другой стороны, *теоретического* плана (представление гендера в виде поляризованной дихотомии).

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что на данный момент представляется преждевременным делать далеко идущие выводы на основании отдельных работ по гендерному сходству, приводящие к противоречивым результатам, и пересматривать ранее полученные данные о гендерной вариативности в языке и коммуникации. Ведь признавая перформативную природу гендера, междисциплинарная гендерная теория должна уметь обосновать как случаи гендерного различия, так и случаи гендерного сходства в языке. Скорее следует признать важность этих работ для определения потенциальных областей исследования и использовать их данные для корректировки аналитических методик, применяемых в гендерных исследованиях, а также для более широкого использования возможностей перепроверки результатов различными методами. По существу, работы по гендерному сходству вполне логично «вписываются» в гендерную теорию, которую можно охарактеризовать как теорию *динамики гендера*, положения которой настоятельно требуют дальнейшего развития с учетом новых данных.

Список литературы

1. **Васильева И. Б.** Функциональная специфика *really* в компьютерных текстах: гендерный аспект // Европейский журнал социальных наук. М.: Изд-во Междунар. исследовательского ин-та, 2013. Т. 2. № 8 (35). С. 225-237.
2. **Biber D., Burges J.** Historical Change in the Language Use of Women and Men: Gender Differences in Dramatic Dialogue // Journal of English Linguistics. Sage Publications, 2000. Vol. 28. № 1. P. 21-37.
3. **Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.** Longman Grammar of Spoken and Written English. 6th impr. Pearson Education Limited, 1999. 1204 p.
4. **Cameron D.** Introduction: Why Is Language a Feminist Issue? // The Feminist Critique of Language. 2nd edition. London: Routledge, 1999. P. 1-21.
5. **Cameron D.** The Myths of Mars and Venus: Do Men and Women Really Speak Different Languages? Oxford University Press, 2007. 196 p.
6. **Coates J., Pichler P.** Language and Gender. Wiley-Blackwell, 2011. 615 p.
7. **Eckert P., McConnell-Ginet S.** Language and Gender. Cambridge University Press, 2003. 366 p.

8. Freed A. F. Language and Gender Research in an Experimental Setting // Rethinking Language and Gender Research: Theory and Practice / ed. by V. L. Bergvall, J. M. Bing, A. F. Freed. Addison Wesley Longman Limited, 1996. P. 54-76.
9. Hyde J. Sh. The Gender Similarities Hypothesis // American Psychologist. 2005. Vol. 60. № 6. P. 581-592.
10. Méndez-Naya B. Introduction to Special Issue on Intensifiers // English Language and Linguistics Cambridge University Press, 2008. V. 12:2. P. 213-219.
11. Newman M. L., Groom C. J., Handelman L. D., Pennebaker J. W. Gender Differences in Language Use: an analysis of 14,000 text samples // Discourse Processes. Routledge, 2008. V. 45. P. 211-236.
12. Paradis C. Between Epistemic Modality and Degree: the Case of Really // Modality in Contemporary English / ed. by R. Facchinetti, F. Palmer & M. Krug. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2003. P. 191-222.
13. Precht K. Sex Similarities and Differences in Stance in Informal American Conversation // Journal of Sociolinguistics. 2008. V. 12/1. P. 89-111.
14. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London – New York: Longman, 1995.
15. Vasilieva I. Gender-Specific Use of Intensifiers in Computer-Related English Texts // Språk och kön i nutida och historiskt perspektiv / ed. by B.-L. Gunnarsson, S. Entzenberg, M. Ohlsson. Stockholm: Elanders Gotab, 2007. P. 131-141.
16. Xiao R., Tao H. A Corpus-Based Sociolinguistic Study of Amplifiers in British English // Sociolinguistic Studies. Equinox Publishing, 2007. Vol. 1.2. P. 241-273.
17. Zimmerman D., West C. Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversations // Language and Sex: Difference and Dominance / ed. by B. Thorn, N. Henley. Rowley, Massachusetts: Newbury House Publishers, 1975. P. 105-129.

GENDER SIMILARITIES IN LANGUAGE: THE NEW ASPECT OF GENDER INVESTIGATIONS

Vasil'eva Inga Borisovna, Ph. D. in Philology
Immanuel Kant Baltic Federal University
inga_vassilieva@hotmail.com

The article presents the results of the certain works executed on the basis of quantitative methods of analyzing linguistic units which differed from the previous findings of gender and language researches. Examination of these works in the light of the modern gender theory allows revealing in them the aspects of theoretical and methodological nature requiring further investigation. The author emphasizes the special value of papers on gender similarity for further developing the theory of gender dynamics.

Key words and phrases: language; gender; gender theory; gender similarities; gender differences; corpus study; meta-analysis.

УДК 8

Филологические науки

В современном языкознании, развивающемся под влиянием антропоцентрического принципа, важным становится изучение воздействия мышления на формирование лексики языка. В статье анализируются лексические единицы, получившие название «консубстанциональных», т.е. одновременно присутствующих в разных сферах функционирования языка. Рассматриваются причины и условия формирования значений лексем на особом этапе развития терминологий – на прототерминологическом этапе, предшествующем научному.

Ключевые слова и фразы: антропоцентрический принцип; консубстанциональные лексические единицы; прототерминологический этап; прототермин.

Ворушилова Светлана Анатольевна

Московский областной государственный университет
sv-vorushilov@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЙ (ЯВЛЕНИЕ КОНСУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТИ ЛЕКСЕМ)[©]

Вопрос о существовании лексем, употребляющихся одновременно в языке для специальных целей и в общеупотребительном языке, рассматривается многими учеными. Известно, что начало изучения явления *консубстанциональности* положено в работах О. С. Ахмановой; затем консубстанциональность лексем отмечается в работах С. В. Гринева-Гриневича и Н. Б. Гвишиани; большое место описанию консубстанциональности отдается в исследованиях Э. А. Сорокиной.

Так, О. С. Ахманова и Г. Агапова рассматривают случаи, «...где слово повседневного языка и термин являются «консубстанциональными» (consubstantial), так как они имеют одинаковую материальную форму» [10, с. 7-9].

С. В. Гринев-Гриневич отмечает: «...во всякой терминологии (предметной области специальной лексики) непременно есть некоторое количество лексических единиц, которые встречаются как в обыденной, так и в профессиональной речи, – так называемые **консубстанциональные** термины, которые вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка» [2, с. 25]. Следовательно, С. В. Гринев-Гриневич поднимает вопрос о том, где граница между общеупотребительным словом и